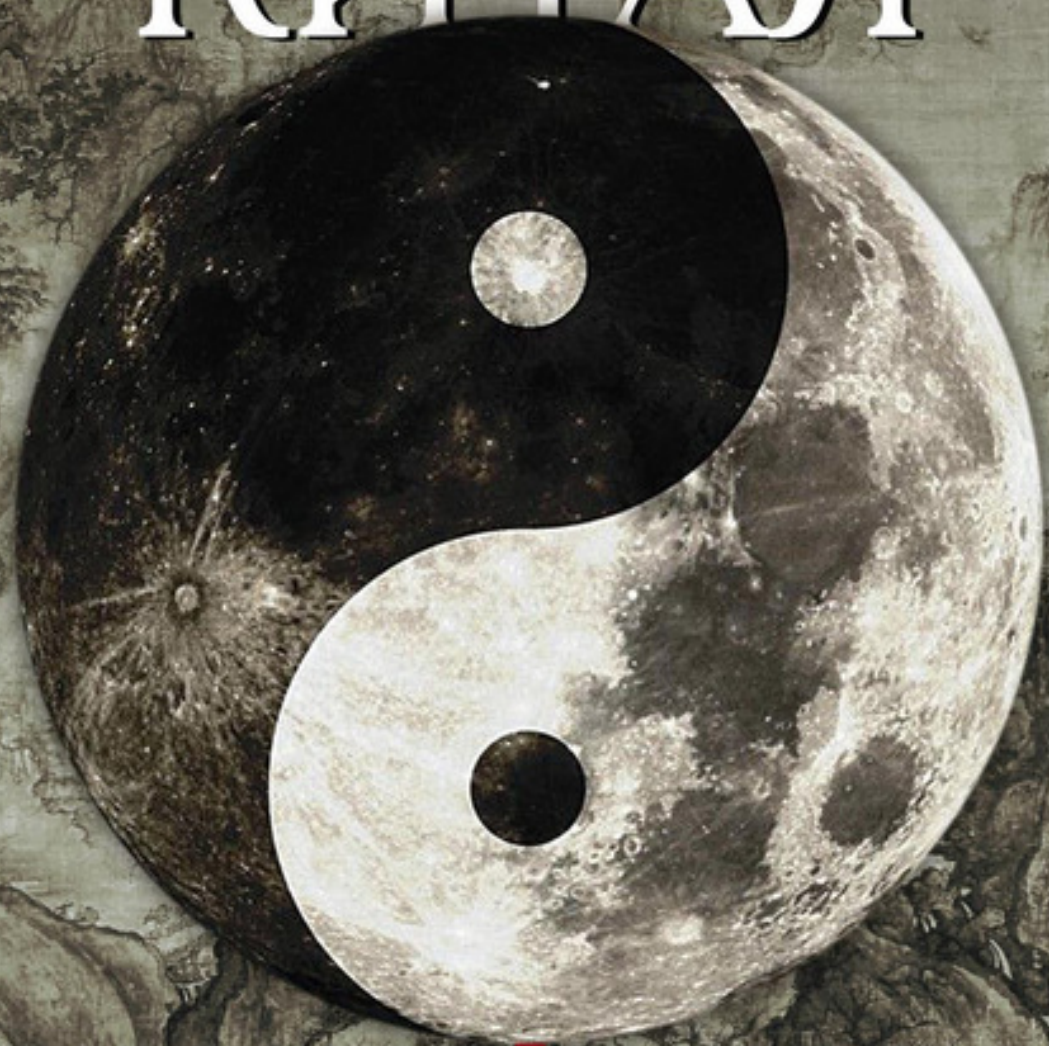

Хёрли Крил

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ КИТАЯ

ОТ КОНФУЦИЯ

ДО МАО ЦЗЭДУНА

孔子

毛澤東

Хёрли Крил

**Философская мысль Китая.
От Конфуция до Мао Цзэдуна**

«Центрполиграф»

УДК 141
ББК 86.34

Крил Х.

Философская мысль Китая. От Конфуция до Мао Цзэдуна /
Х. Крил — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5268

Хёрли Крил – выдающийся американский синолог, автор научных трудов, посвященных истории, государственному устройству, философским и религиозным течениям Китая. В настоящей книге, предназначенной для широкой читательской аудитории, ученый рассматривает главные этапы формирования философской системы Поднебесной со времен династии Шан (XV–XIII вв. до н. э.) до провозглашения Китайской Народной Республики. Профессор Крил описывает философские воззрения, сложившиеся в древний период китайской истории, знакомит читателей с основами учения Конфуция и наследием Мо-цзы и Мэн-цзы, рассматривает философские концепции даосизма и неоконфуцианства. В заключительных главах своей книги авторитетный китаист освещает кардинальные преобразования, затронувшие общественно-политическую жизнь Китая в первой половине XX века, и делает вывод о том, что ключевые принципы традиционной философии продолжают оставаться основополагающими в жизни современного китайского общества. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 141
ББК 86.34

ISBN 978-5-9524-5268

© Крил Х.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Хёрли Крил
Философская мысль Китая.
От Конфуция до Мао Цзэдуна

Herrlee G. Creel

CHINESE THOUGHT
FROM CONFUCIUS TO MAO TSE-TUNG

ФИЛОСОФСКАЯ
МЫСЛЬ
КИТАЯ

ОТ КОНФУЦИЯ

ДО МАО ЦЗЭДУНА

Предисловие

В настоящей книге, предназначенной для широкой читательской аудитории, рассмотрены главные этапы формирования китайской философской системы с самых древних времен, о которых мы обладаем сведениями. Автор не претендует на исчерпывающее изложение истории китайской философии. Он исходил из своего понимания важности, причем в силу множества причин, ознакомления жителей Запада с китайской философской системой, о которой они знают удручающе мало. А между тем эта сфера знаний представляет огромный интерес для любого иностранца. Хотелось бы надеяться на то, что этот труд послужит также и введением в предмет, способным облегчить освоение трудов более подробных, предназначенных для специалистов.

Несоразмерно большое место уделяется истории развития китайской философской мысли до начала христианского летоисчисления. Такой вывод напрашивается совсем не потому, что более поздние события считаются не такими важными или не вызывающими большого интереса; отнюдь: они заслуживают более тщательного исследования, чем получили до сих пор. В этой книге, однако, особое внимание уделяется философским представлениям китайцев о самих себе и китайским представлениям, сложившимся до наступления христианской эры, которые выглядят самобытными по своей сути, тогда как в более поздние времена на них оказали значительное влияние воззрения, проникшие из внешнего мира. Особое внимание уважаемого читателя хотелось бы обратить на то, что воззрения, сложившиеся в древний период китайской истории, даже в наши дни продолжают играть доминирующую роль в китайском обществе.

Притом что автор совсем не претендует на представление настоящего труда в качестве исчерпывающего трактата по выбранному предмету, трудился он добросовестно и без спешки. Подготовка краткого изложения темы зачастую оказывается более сложной задачей, чем ее изложение в полном и всеобъемлющем виде, ведь автора постоянно преследует сомнение в том, что ему удалось отобрать наиболее наглядные иллюстрации, дающие правдоподобное, хотя и лаконичное представление о предмете изложения в целом. Хотелось бы надеяться на то, что с поставленной перед собой задачей автор справился, ведь, совершенно определенно, он очень старался.

В каждом случае, когда для этого представлялась возможность (а исключений всего несколько), цитаты, переведенные с китайского языка, сверялись с китайским текстом. В некоторых случаях перевод полностью выполнен заново; в большинстве же случаев он может в некоторой степени отличаться от предыдущих вариантов.

Китаистов, прочитавших нашу книгу, может посетить тревога (как это случилось с теми, кто ознакомился с ней еще в виде рукописи) по поводу отсутствия имен многих китайцев, на появление которых можно было бы рассчитывать в нашем труде. От их упоминания мы отказались намеренно. Нам, специалистам по Китаю, привыкшим к китайской письменности и звучанию китайской речи, трудно себе представить, насколько сложно подавляющему большинству неподготовленных европейских читателей разбираться с текстом на странице, пестрящей китайскими именами. В этой связи мы сочли за благо привести в своем труде имена только наиболее выдающихся исторических личностей в надежде на то, что наш самый любознательный читатель найдет остальных важных персонажей китайской истории в научных произведениях, отыскать которые ему большого труда не составит.

Глава 1

Китайские воззрения в современном мире

Начнем с того, что в середине XIX века одного образованного китайца спросили, а не послужит ли расширению его знаний поездка на учебу за пределы Китая? Его ответ состоял в том, что освоившему китайское каноническое наследие мудрых предков человеку больше ничего знать не требуется.

Перед нами наглядный пример довольства собой и безразличия к явлениям внешнего мира, которые многими из нас считаются характерными особенностями просвещенного населения Китая. Мы на Западе полагаем, причем совершенно справедливо, что с таким их отношением к внешнему миру китайцы всегда оказывались в весьма уязвимом положении, когда дело касалось общения с иноземными представителями, и что служило причиной многих выпавших на их долю бед.

Сегодня такое положение вещей коренным образом поменялось. Китайцы прекрасно осведомлены о культуре Запада и проявляют к ней самый живой интерес, зато жители того же Запада практически ничего не знают о Китае и предпринимают весьма слабые попытки чему-то научиться у его народа. И такое невежество Запада дорого ему обходится, а в будущем за свое зазнайство придется заплатить еще больше.

Приятно тешить себя мыслью о том, что коммунизм пришел в Поднебесную в силу откровенной, безнадежной нищеты ее народа, покончить с которой никаким другим способом у нас не получалось. Устраивает нас и вера в то, что эта крайняя враждебность китайцев к Западу возникла под влиянием на них пропаганды Советского Союза. Такое наше высокомерие не только служит утешением, но к тому же до некоторой точки представляется оправданным. Однако на Западе упускают из виду тот факт, что китайская бедность и русская пропаганда послужили плодородной почвой для произрастания в ней семян ненависти к тому же Западу, а их ростки тщательно лелеялись в условиях презрения, с каким представители Запада обращались с китайцами на протяжении сотни с лишним лет. Притом что главными причинами китайской ненависти к европейцам можно назвать нашу алчность и чванство, свою роль сыграли еще и невежество с беспочвенным высокомерием.

Одно из заблуждений, особенно полюбившееся определенной категории западных военных «экспертов» по Дальнему Востоку, некто сформулировал фразой «китайцы, мол, не способны к вооруженному сопротивлению». Европейцы узнали о боевых качествах китайского солдата в Корее. Они могли бы узнать о них лучше, потрудись их специалисты над изучением китайской истории. А в ней содержатся свидетельства того, что китайский солдат всегда постарается спасти свою шкуру точно так же, как любой здравомыслящий человек, когда не видит никакого смысла в героической жертве, но одновременно он может проявить невиданную стойкость в защите справедливого дела.

Еще одно, получившее куда более широкое распространение заблуждение состоит в том, что за исключением немногих ученых мужей китайцы представляют собой массу неграмотного и умственно практически пассивного народа, одновременно не интересующегося и не заботящегося тем, что происходит в мире в целом или даже в самом Китае. Считается, что среди подобного народа не может существовать такого понятия, как общественное мнение, и его могут навязывать исключительно чиновники, осуществляющие полное господство над ним. В соответствии с такой теорией появилось предположение о том, что ради контроля над Китаем иноземному правительству вполне достаточно заручиться благосклонностью правящей верхушки Китая или регулярно раздавать взятки немногочисленным военно-феодалным правителям. На Западе считается, что мнением народа в целом при этом можно пренебречь.

К своему стыду, автору приходится признаться в том, что в молодости еще до того, как ему пришлось пожить в Китае, он искренне разделял такую точку зрения. Причиной этого стыда следует назвать то, что студенту, приступившему к постижению китайской культуры, следовало бы лучше разбираться в выбранном для себя предмете. Ему было известно, что еще до наступления зари христианской эры кое-кто из сыновей земледельцев в Китае занимался изучением философии и что это происходило на протяжении более двух тысяч лет с тех пор, как тогдашнего свинопаса назначили главой правительства Китайской империи якобы в знак признания его заслуг в совершенном овладении им основ канонического наследия¹. К тому же автор прекрасно знал, что практически на всем протяжении последних двух тысяч лет многие высочайшие посты в Китае предоставлялись по результатам испытаний на пригодность каждого претендента к государственной службе. Притом что для победы в таком конкурсе требовалась солидная образованность претендента, все-таки иногда величайшая слава с известностью приходила к человеку, когда-то ходившему за плугом. Поэтому в каждой китайской семье свято лелеяли надежду на то, что в один прекрасный день такая сказочная судьба достанется одному из их родственников. Чтобы европейцу стало понятнее, сообщаем: накануне обнародования результатов государственных испытаний интерес к ним можно сравнить с ажиотажем англичан во время решающего футбольного матча, в день ежегодных скачек в Эпсоме и всеобщих выборов одновременно. Любой китаец даже самого неприятного происхождения мог тогда рассчитывать на появление в таких списках имени родственника, жителя своего города или, по крайней мере, земляка из родной провинции. Все это казалось известным, но непонятным, однако оставались пути, которыми китайская система приобретала свой особый и, возможно, единственный в своем роде характер.

У большинства цивилизованных народов различные группы населения живут по разным стандартам, и по большому счету можно как-то разделить стандарты существования аристократии и простого народа. Притом что существующие различия абсолютными назвать нельзя, они пронизывают всю общественную жизнь народа. Аристократ и простолюдин обычно подчиняются несколько отличным нравственным нормам, обладают отличающимися наборами ценностей, следуют различным традициям, а иногда даже по-разному смотрят на общую религию. Такого рода различия существовали в Китае, по крайней мере до некоторого предела, в период господства феодальной аристократии до наступления III столетия до н. э. На протяжении последних двух тысячелетий, однако, китайский народ в целом позаимствовал многие особенности, изначально принадлежавшие аристократии. Получается так, что, например, подношения духам предков в древности считались занятием исключительно аристократического сословия, тогда как ближе к нашим временам они стали всеобщим народным обычаем². Множеством путей и по нескольким причинам китайский народ достиг известной степени однородности, при определенных обстоятельствах сразу же бросающейся в глаза иностранцу.

Одной из причин всего этого, способной показаться удивительной, можно назвать распространение тогда в Китае многоженства. Внешне привлекательных женщин даже самого худородного происхождения брали в знатные семейства в качестве наложниц их хозяев. В результате происходило совершенно очевидное смешение сословий. При этом до высоких кругов общества не только поднимались женщины низшего сословия, но к тому же воззрения и устои жизни простого народа проникали в сферу существования аристократических семей.

¹ Подробнее о данном событии можно прочесть у Г. Крила в книге «Конфуций: человек и миф о нем». Трудно с полной уверенностью говорить, будто именно ученость послужила его продвижению по службе, но как раз ее называют главным достоинством этого китайского философа, и ее нам предстоит учитывать в качестве главного смысла настоящего нашего изложения.

² Ясные свидетельства такого рода отсутствуют, поэтому подвергнуть их достойному исследованию не представляется возможным. Пожертвования простолюдинов древности своим предкам вообще считаются фактом спорным. Тем не менее у нас остаются все основания считать так, что в древности одни только представители высшей аристократии могли приносить подаяния нескольким поколениям своих предков, тогда как простой народ занялся этим делом гораздо позже.

Иногда поступали жалобы на то, что даже императорский двор подвергался «разлагающему воздействию» точно такого же свойства.

Куда большую важность представляет китайская система испытаний для претендентов на замещение государственных должностей, уже упоминавшаяся выше. Тем, кто выдерживал такие испытания, открывался путь к государственной службе, а *государственная служба открывала надежнейший путь, причем чуть ли не единственный, к материальному благосостоянию, высокому положению в обществе и политической власти*. Пройти государственные испытания мог практически каждый китаец, если только он овладел каноническим наследием, в котором воплощались традиции китайской нации. Любого приверженца традиции такого рода стимулы воодушевляли на самую добросовестную учебу.

Никто в Китае не отказался бы от высокой государственной должности. Далеко не всем она светила, однако все о ней мечтали. Широчайшей популярностью пользовалась игра под названием «Движение мандарина по служебной лестнице»; ею увлекались даже совершенно неграмотные люди.

Каждому китайцу к тому же хотелось познакомиться с традициями своего народа. Далеко не всем дано было читать произведения китайских классиков, зато все китайцы без исключения имели доступ к ним через народную мудрость в виде пословиц и поговорок. Можно назвать еще кое-какие средства ознакомления с миром мудрецов даже самых бедных и наименее образованных слоев населения. Китайцев безгранично забавляет такой жанр искусства, как драма, а ведь по своему идейному наполнению и содержанию китайские пьесы строятся на принципах национальной классики. Не каждый китаец мог себе позволить посещение театра, однако повсеместно находились рассказчики, за толику малую готовые поведать эпизоды из этих пьес на базарной площади и углу улицы городка. Те, кто победнее, мог просто постоять в сторонке и послушать такие вот рассказы.

Рассказчиков одного из жанров называли «пересказчиками книг». Они занимались тем, что представляли в устной форме, доступной для восприятия необразованными слушателями, содержание литературных произведений, написанных одними учеными людьми и изучаемых другими. На самом деле существуют основания полагать, что некоторые материалы, использовавшиеся древними рассказчиками, изначально готовились придворными историками для обучения грамоте юных аристократов. Здесь на самом деле прослеживается непосредственная связь между придворными и земледельцами, посещавшими ярмарки.

Все эти особенности придают всему китайскому народу необыкновенное сходство мироощущения. Философской системой ученого на самом деле совершенно естественно предусматривалась сложность построения и языка ее отображения, безнадежно озадачивавшая простого земледельца, однако различия в их умственных способностях сводились в большей степени к уровню, а не к роду осмысления действительности. Исторические события с героическими и мифологическими действующими лицами, приводившимися китайскими мудрецами ради приукрашивания и наглядности своего повествования, должен был знать самый забитый хлебобороб Поднебесной не в пример простому народу Европы или Америки, слабо разбиравшемуся в греческой и римской Античности.

При всем этом появляется соблазн для утверждения, будто простой народ в Китае обычно проявлял большое равнодушие к политическим событиям и даже ученые люди зачастую чурались сражений, которыми сопровождалась смена династий. Опять же во времена «милитаристского» периода в XX столетии китайские солдаты шли в бой без большого воодушевления, если вообще их удавалось подвигнуть на ратный подвиг, и без особых на то усилий поддавались на уговоры сдаться, соблазненные весьма умеренным подкупом.

Так оно на самом деле и случалось. Но заключать из этого, как решили многие сторонние наблюдатели, будто китайцы не знают никакого патриотического чувства и знать не хотят, что же происходит с их страной, означает глубочайшее заблуждение. Конфуцианским догматом

предусматривается такое положение, что достойный своего титула правитель должен поручать фактическое управление страной своим министрам, подобранным с таким расчетом, чтобы вести дело согласно проверенным временем канонам. Кое-кто из китайцев и даже среди ученых проявляли известную безучастность к тому, кто у них занимал престол. Однако они всегда требовали того, чтобы управление государством осуществлялось в соответствии с традиционным укладом, к которому даже иноземным завоевателям приходилось приспосабливаться.

Если китайцы зачастую проявляли полное равнодушие к политике, их всегда отличала, судя по имеющимся летописям, пламенная и неиссякаемая национальная гордость, далеко превосходившая национальную гордость остальных народов. В Париже, Сан-Франциско или Сингапуре китаец остается китайцем, сколько бы поколений его предков ни жило в этих городах. Даже вдали от родины китаец по своей сути не меняется совершенно.

На протяжении нескольких тысячелетий такая гордость и обособленность от остальных главных центров древнейшей цивилизации послужили для китайцев основанием для того, чтобы считать себя, несомненно, самым культурным и умным, а также во всех отношениях самым способным из всех народов планеты. Такое предположение не подвергалось ни малейшему серьезному сомнению практически до середины XIX века, когда Китай потерпел поражение в войне с Западом, после которой начался процесс попражнения его суверенитета через заключение позорных договоров с победителями.

Все происходившие тогда внутри вековой политической системы Китая, не представлявшей никакого интереса для среднестатистического китайца, события выглядят вполне закономерными. Тем более что они представляли смертельную угрозу государству и даже китайской нации как таковой. Можно себе представить реакцию гордого народа, когда в городских парках Шанхая появились объявления: «Китайцам и собакам вход запрещен!» Любезному читателю представить такое трудно. Тогда предлагаю ему вообразить реакцию американцев или британцев на предупреждения: «Американцам и собакам вход запрещен» в Центральный парк Нью-Йорка или «Британцам и собакам вход запрещен» в Сады Кью (Ботанический сад в Лондоне).

Напрашивается уточнение (вряд ли убедительное для китайца), мол, Шанхай не был китайским городом. Только вот иноземное влияние, если не господство вообще, распространилось до самого сердца Поднебесной. Государственная почтовая служба находилась по большому счету под присмотром иностранцев, а во многих городах Китая стояли гарнизоны иноземных войск. По всему миру люди вполне открыто обсуждали сроки раздела территории Китая между западными державами.

Если изначально китайцы политикой не интересовались, то в новых обстоятельствах они ею занялись вплотную. На протяжении целого столетия здравомыслящие китайцы занимались все с большим рвением и обидой проблемой восстановления чести и самостоятельности Китая в окружавшем его мире. В силу обстоятельств главную роль в этой борьбе сыграло не ученое сословие, а народ Китая.

Такое впечатление возникло у автора настоящего труда с особой силой в ходе поездки в 1935 году по Северному Китаю, посвященной осмотру археологических памятников. Японцы овладели к тому времени территорией Маньчжурии, но все еще рассчитывали на захват новых китайских земель. Повсеместно, как в зоне самой японской оккупации, так и далеко за ее пределами, люди, с которыми пришлось побеседовать, с большой тревогой говорили об угрозе, нависшей над китайской нацией. Среди собеседников нашлись не только представители ученого сословия, но и погонщики ослов, лодочники, земледельцы и владельцы постоянных дворов.

Тревоги по поводу не только китайских дел, но даже международных событий высказывались в самых неожиданных местах. Как-то случилось посетить храм Белой лошади (Бай-масы) под городом Лояном, считающийся высокопочитаемым заведением, куда, если верить легенде, в I веке н. э. привезли первое для Китая буддистское священное писание. В романтич-

ной обстановке такого знаменитого храма автора удостоил приема его настоятель, оказавшийся учтивым человеком, угостивший своего гостя монастырскими пирожками и поговоривший с ним о международной политике. Гость почувствовал скорее разочарование.

Показательным событием стало посещение горы Хуашань (Горы цветов), расположенной в восточной части провинции Шэньси. Отметим редкую красоту тех мест, помноженную на священные традиции, сложившиеся несколько тысяч лет назад. Во время разговора с проводником-селянином тот время от времени ногой в тапке выводил на пыли иероглиф. Тем самым он давал наглядно понять то, что грамотность в Китае получила гораздо более широкое распространение, чем иногда полагали на Западе. Остроты воображаемой опасности добавлялось сообщениями о перемещении в том районе отрядов коммунистов-партизан. Вершину священной горы Хуашань окружали голые, высоченные утесы, по которым приходилось карабкаться, цепляясь за железные кольца, вбитые в скальный монолит. На вершине одного такого утеса оказался крошечный даосский храм, и к гостям немедленно подошел местный жрец.

Даосские жрецы заслужили репутацию людей в целом относительно необразованных. Одежда этого жреца состояла буквально из рубища, и к тому же он не проявил ни малейшей учтивости, присущей представителям китайского ученого сословия. Он спросил гостя, из какой страны он прибыл, а затем, тыча пальцем ему в лицо, сказал: «Ха! Да ты же американец! У меня для тебя припасен один вопрос. На чьей стороне выступит Америка в предстоящем великом мировом сражении?»

До подписания Мюнхенского договора оставалось еще четыре года. Несколько месяцев спустя автор посетил Россию, Польшу, Германию, Францию, Англию и вернулся в Соединенные Штаты Америки. Во время тогдашнего путешествия пришлось разговаривать со многими мужчинами, большинство из них были людьми высокообразованными, кое-кто даже находился на государственной службе. Как-то не приходит на память, чтобы кто-то из них продемонстрировал прозорливость, сравнимую с ясновидением того простого даосского жреца с далекой горной вершины в Западном Китае.

На протяжении целой сотни лет политики на Западе настойчиво взращивали отторжение к себе у этого гордого, умного, ранимого и располагающего мощным потенциалом народа. Европейцы с оскорбительным пренебрежением относились к его культуре (ничего в ней не понимая), обращались с их правителями как с марионетками, а простых китайцев ни в грош не ставили. Сегодня наступает час расплаты за свою недалекость.

Грех лежит на всех странах Запада. Американцы очень гордятся своим традиционным дружелюбным отношением к Китаю, но при этом слишком добродушно забывают о том, как они иногда по-скотски обращались с китайцами у себя в Соединенных Штатах, а также о том, что те же китайцы не всегда пользовались положенным почетом и уважением. Практически во всех западных странах даже ученые, посвящавшие свою жизнь исследованию китайской культуры, иногда писали о ней с откровенным налетом снисходительности. Даже те европейцы, которые считали себя самыми пылкими почитателями всего китайского, за очень редким исключением постоянно призывают китайцев к «модернизации», то есть отказу от своих традиционных жизненных устоев и внедрению западных принципов бытия. Поступая таким манером, они совершенно забывали о той обиде, какую могли нанести китайцам, притом что первыми бы возмутились, если те попытались бы приобщить Запад к китайской культуре.

Заблуждения, будто такие проявления пренебрежения, допущенные в отношении целой нации и ее заветных атрибутов, прошли для китайцев незамеченными, могут принадлежать только людям совершенно неосведомленным. Они могли послужить более вескими причинами для возбуждения ненависти у китайцев к Западу, чем любой прочий ущерб материального порядка. При случае большинство из нас предпочло бы погибнуть сразу, чем подвергаться каждодневным глумлениям.

Более подробное рассмотрение влияния таких вещей с точки зрения усугубления бед нынешнего мира следует отложить до изложения последующих разделов нашей книги. Всем должно быть очевидно, однако, что между Китаем и Западом никогда не наступит гармонии до тех пор, пока не появится разумная степень взаимного понимания. Сегодня необходимое понимание существует практически с одной только стороны. Совершенно определенно многие китайцы далеки от полного понимания Запада, но в течение многих десятилетий практически все образованные китайцы посвящали значительное время изучению западной истории и культуры. Европейцы же, наоборот, не прилагали никаких усилий ради добросовестного исследования Китая.

Но напрашивается такой вот вопрос: даже если согласиться со всеми приведенными аргументами, почему нам следует начать с Конфуция, чтобы получить понимание настоящего Китая? Насколько чтение трудов Канта со Спинозой помогают пониманию современной Европы и Америки? Разбираясь с современным Китаем, не стоило бы европейцам сосредоточить свое внимание на Карле Марксе и Мао Цзэдуна?

Для лучшего понимания Китая стоит начать как минимум с древних времен, когда жил Конфуций, так как прошлое его народа тесно переплетено с настоящим. Причем необходимо изучать наследие великих китайских мыслителей, ведь именно они играли главную роль в создании Китая, каким он достался нам сейчас. Философия Спинозы могла как-то повлиять на мировоззрение западного «человека с улицы», но могла его совсем и не коснуться; идеи Конфуция и даже более туманная философия даосов «Чжуан-цзы» играют несомненную и существенную роль в формировании характера китайского земледельца. Без известных знаний традиционной философской мысли Китая не обойтись даже для понимания китайской коммунистической теории, ведь первая представляет для второй гораздо большее значение, чем кое-кто из коммунистов готов это признать.

С учетом наиболее насущных и веских доводов с точки зрения достижения международного взаимопонимания и установления надежного мира во всем мире представляется весьма важным ознакомление политических деятелей Запада с основами китайской философии. Но не будем ограничиваться одной только познавательной задачей. Вклад философской системы Китая в мировое культурное пространство в целом, и в собственную западную философию в частности, оценивается гораздо выше, чем это осознает подавляющее большинство европейских ученых. И мы можем рассчитывать на еще больший вклад со стороны Поднебесной в это полезное дело.

Практически все европейские обыватели знают, что китайцы подарили нынешней цивилизации бумагу и порох. Но какая часть из них слышала сообщения (одновременно правдивые и вымышленные) относительно того, какую роль сыграла теория и традиция народного равенства в Китае в развитии на Западе понятий «социального равенства и политической демократии» в XVII и XVIII столетиях? Причем такого рода идеи получили широкое распространение в Европе во времена, когда и Томас Маколей, и Фердинанд Брюнетьер одновременно возложили часть вины за Французскую революцию на считавшиеся ими искаженными представлениями, возникшие тогда по поводу политических атрибутов Китая.

Подавляющее большинство обывателей на Западе считает, что систему государственных испытаний чиновников в Соединенных Штатах американцы переняли под решающим влиянием, исходившим из Британии. А многие ли люди на Западе знают о том, что всего лишь сто лет тому назад, когда в Лондоне шло жаркое обсуждение вопроса организации государственной службы через привлечение чиновников на основе специальных испытаний, государственные деятели Англии в основном ориентировались на пример функционирования китайского государственного устройства, насчитывавшего несколько веков? Разобравшись в неоспоримых сходствах между давно существовавшей китайской и предложенной Британией схемой, против-

ники обсуждавшегося плана в парламенте отвергли его как «китайский в принципе», тогда как прочие депутаты встали на его защиту в силу тех же самых оснований. Уже в 1875 году автор статьи в газете «Фортнайтли ревю» в пух и прах раскритиковал процедуру испытаний претендентов на должность в государственном аппарате, назвав ее «заимствованием китайской культуры».

Для людей на Западе отсутствие знаний о китайской философской системе означает не только сохранение состояния, по-настоящему опасного для мира на нашей планете. Более того, тем самым они лишаются знания, способного самих же жителей Запада во многом обогатить нравственно.

Европейцы идут путем покорения природы. Что касается технического прогресса, они добились внушительных достижений. Действительно, теперь говорят, что вооруженное научно-техническими открытиями человечество способно уничтожить саму жизнь на планете, то есть оно в буквальном смысле покорило природу. Однако особой радости такое осознание своего могущества человечеству не принесло. Притом что все оно пользуется благами, недоступными даже монархам совсем не так давно, людские запросы росли быстрее темпов увеличения собственного имущества. Народ на Западе настолько увлекся созданием машин и увеличением благосостояния, что совсем упустил из виду отношения между людьми. В результате получилось так, что над ним навис постоянный страх за свою жизнь.

Представители китайской цивилизации сосредоточились на прямо противоположной сфере бытия. Китайцы практически не пытались покорять природу: наоборот, они старались жить с ней в гармонии. И на протяжении как минимум трех тысячелетий огромное внимание в Китае уделялось развитию человеческих отношений. Поэтому, как считают на Западе, китайцы в большой степени упустили прогресс в материальной сфере человеческой жизни. В то же время многие представители Запада, жившие среди китайцев, делились с соотечественниками тем впечатлением, какое на них производила недоступная им способность жителей Поднебесной довольствоваться малым, даже тех, кто пребывал в нищете или испытывал большие лишения. При всей сложности оценки такого явления, однако, если верить статистике, получается так, что китайцы, живущие в одинаковых условиях с представителями Запада, заметно реже подвергаются недугам, связанным с расстройствами психики³.

Разумеется, китайцам есть чему поучиться у Запада, и они это прекрасно понимают. Европейцам тоже стоило бы многому поучиться у китайцев. Кое-какие китайские знания содержатся в трудах великих мыслителей этого народа. Признаем, что наша скромная по объему книга представляет собой не больше чем введение в такого рода огромный и сложный предмет.

Нам следует с особой подробностью изучить философскую мысль, развивавшуюся в периоды истории, когда китайская цивилизация выглядела наиболее рафинированно и незапестрено китайской. Затем попытаемся взглянуть на то, как китайская философская мысль реагировала на влияние, поступавшее из Индии, из Западной Европы с Америкой и из России.

³ Невзирая на то что среди китайцев на Гавайях встречалось ровно столько же случаев органического поражения психики, сколько и среди европейцев, остальным расстройствам психики они подвергались гораздо реже, чем представители других национальностей.

Глава 2

Исторический период до появления Конфуция

О людях каменного века, живших на территории нынешнего Китая, известно достаточно много; но поскольку никаких письменных источников тех времен до нас не дошло, нам не дано представить себе возможный склад их ума. Древнейшие китайские письмена удалось обнаружить в городе, служившем столицей царей династии Шан приблизительно в XVI столетии до н. э. Он представлял собой центр цивилизации, уже преодолевшей значительный путь эволюции, свидетельством чему служат крупные здания, прекрасные бронзовые сосуды, затейливо сотканные шелка и многие прочие предметы ремесленного производства. Притом что этот народ уже пользовался книгами, с тех пор они обратились в прах, так что единственные короткие надписи, оставшиеся от него, обнаружены на костяных и каменных изделиях. Эти краткие надписи дают нам туманное представление об их затейливых религиозных обрядах и весьма сложной политической организации, но они слишком лаконичны, чтобы составить малейшее представление об их философии.

Этот обладавший высокоразвитой культурой народ царства Шан подвергся нашествию (согласно европейскому календарю в 1122 году до н. э.) жестоких племен, пришедших из Западного Китая. Во главе завоевателей стояла княжеская семья Чжоу, с которой начинается знаменитая одноименная китайская династия. Вначале этим стойким воинам выпала тяжелая доля; ведь они прекрасно владели искусством покорения чужих территорий вооруженным путем, а теперь пришлось овладевать навыками удержания их в своем подчинении с помощью аппарата тщательно организованного управления вассалами.

Через несколько лет после покорения царства Шан царь Чжоу умер. Его престол унаследовал сын, но он был слишком молод, чтобы править с той твердостью, которой требовала складывавшаяся тогда ситуация. Империя Чжоу начала распадаться. От полного развала ее спас дядя молодого царя, известный как князь Чжоу-тун. Он вмешался в дела двора, объявил себя регентом, принял на себя руководство армиями, покарал всех, кто попытался ему противиться, и стал править твердой рукой. Его племянник юный царь вполне мог опасаться расправы, но Чжоу-гун оказался человеком высоких нравственных принципов. Как только опасность краха империи миновала, он перешел от откровенной силы к умиротворяющей кротости, продемонстрировав при этом пример великого таланта в организации государства на прочном основании. Через семь лет он вернул себе власть, провозгласив себя царем.

Хотя Чжоу-гун жил на много веков раньше Конфуция, его почитают в Китае как основателя «конфуцианской» традиции. Кое-кто из китайцев ставит его даже выше Конфуция. И дело не только в его характере, а также в том, что в самый разгар тех переломных событий, участником которых он был, возникли определенные представления, сыгравшие решающую роль в формировании китайской философской мысли. Для их осознания требуется взглянуть на конфигурацию организации китайского общества в то древнее время.

Практически все аспекты жизни в Китае определялись наследственной аристократией, так было одновременно во времена династии Чжоу и, скорее всего, царства Шан. Прославленные основатели аристократических кланов во многих случаях считались мифологическими героями или даже божествами.

Бытовало мнение, что династия царей Чжоу происходила от родоначальника одноименного племени мифологического Хоу-цзи. Буквально это имя означает «Государь-просо», и можно себе представить, что изначально им называли божество, числившееся покровителем хлеборобов. В древнем китайском каноническом трактате под названием «Шуцзи» («Исторические записки») можно прочесть о том, что его мать чудесным образом забеременела им

после того, как наступила на отпечаток ноги, оставленный Верховным владыкой. Как случилось со многими другими знаменитыми младенцами, мать его бросила, но никакие невзгоды одиночества его не коснулись. В посвященной ему поэме говорится:

Считая, что [ребенок] не имеет отца и это позорно,
Цзян Юань бросила его на дороге,
но быки и бараны обходили [брошенного] и не наступали на него. Тогда
[Цзян Юань] взяла ребенка [и отнесла] в горы, но все, кто был в горах, кормили
его.

После этого [Цзян Юань] бросила сына у большого озера, но птицы
крыльями укрыли младенца и кормили его.

Цзян Юань удивили эти явления, и она поняла, что ее сын рожден Небом,
она подобрала и вырастила его.

(Перевод с китайского языка 1972–2010 гг.)

Когда этот замечательный предок династии Чжоу подрос, он научил народ Китая искусству возделывания зерновых сельскохозяйственных культур.

Он числится далеко не единственным древнейшим основателем своей высокородной семьи, ведь власть ей принесли все ее достойные предки. Существовало поверье, что после смерти цвет рода продолжал существование на небесах, откуда его представители следили за судьбой своих потомков. Обычно, если только потомки не чересчур сердили духов своих предков, они даровали им победу в войне и процветание в мирной жизни. Со своей стороны за такие благодеяния предусматривалось, чтобы потомки приносили им традиционные жертвоприношения, а также обеспечивали выполнение желаний в соответствии с предсказаниями или другими способами ворожбы. Зависимость правителей, как великих, так и совсем не прославленных, от их предков доказывается огромной массой документальных свидетельств. В надписи на одном бронзовом сосуде находим откровение благородного мужа, заявившего о том, что его знаменитые предки когда-то «щедро открывали путь для своих потомков последующих поколений». Автор одного из стихов в «Исторических записках» приписал власть дома Чжоу в конкретное время тому, что наряду с правителем на земле у него находилось «три [бывших] правителя на небесах».

В такой ситуации ни один простолюдин не мог надеяться стать правителем, ни мелким, ни крупным. Ему не хватало главного атрибута власти в лице влиятельных предков. Практически все простолюдины за исключением ремесленников поголовно относились к сословию земледельцев. Сомнительно, что они могли пользоваться какими-либо конкретными правами наравне с дворянством, которое, скорее всего, распоряжалось их судьбой по собственному усмотрению. В древнем воззвании беглые слуги и служанки приравниваются к заблудившемуся крупному рогатому скоту. Автор одного из стихов «Исторических записок» сообщает: «Простой народ доволен, когда у него каждый день достаточно еды и воды». Однако тот же китайский классик признает тот факт, что этот народ далеко не всегда жил сытно. В одном стихотворении говорится:

Неба великого гнев над страной!
Смута, предела не зная, растет
И умножается с каждой луной,
Благостей мира лишая народ.
Сердце как будто пьяно от печали...
Кто у нас держит кормило страны?
Править страной вы давно перестали, —
Скорбь и страдания народа страшны!

Дальше читаем:

Кто низок, тот имеет дом;
Кто подл, тот награжден зерном.
Несчастен ныне наш народ,
Небесным поражен бичом!
Богатый сыт, а тот, кто сир
И одинок, – скорблю о нем.

Действительно ли простому народу вполне хватало всего лишь сытой жизни? О сытой древности судить нам сложно. Совсем немногие, если вообще такие встречались, простолюдины владели письмом, поэтому до нас не дошло ничего из того, что они могли поведать нам о своей судьбе. Тем не менее мы находим кое-какие свидетельства протеста, в частности по поводу принудительной воинской повинности, когда сыновей отрывали от родителей, а мужей от жен, и не было надежды, что они когда-нибудь вернуться домой. Аристократы вполне могли обращаться со своими холопами-простолюдинами без оглядки на вышестоящие инстанции, то есть назначать размер оброка, привлекать на принудительные работы и назначать наказание исключительно по собственному усмотрению. При всем при этом аристократы не могли себе позволить недальновидную политику чрезмерного притеснения своего народа в целом. Такое замечание особенно касается периода истории, начавшегося сразу же после прихода к власти династии Чжоу.

В то время правители Чжоу и их феодальные вассалы для подавляющей части Северного Китая считались людьми пришлыми (завоевания Чжоу явно не распространялись на Южный Китай). Они жили в городах за стенами в окружении населения, настроенного к ним либо враждебно, либо безразлично. Как и большинство успешных завоевателей, они быстро усвоили тот непреложный факт, что силой чужую территорию захватить в принципе можно, но для удержания в повиновении населяющего ее народа одной силы не достаточно. Им хватило разума для осознания потребности в массовом одобрении их правления.

Чжоу-гун прекрасно разбирался в искусстве управления подданными. Он считался достойным полководцем, поэтому владел навыками угроз и наказаний строптивых людей. Поправ священную суть семейных уз, одного из своих собственных братьев он отправил в ссылку, а еще одного приговорил к смертной казни потому, что они посмели встать на сторону народа Шан, предпринявшего неудачную попытку мятежа. А после подавления того мятежа и наказания его подстрекателей он пытался расположить к себе народ Шан. Он предупредил о намерении безжалостно наказывать всех упрямцев и пообещал тем, кто пойдет на сотрудничество с представителями династии Чжоу, светлое будущее. В дошедшем до нас воззвании этот сановник обратился к аристократам Шан с такими словами: «Небеса проявят сострадание к вам, и мы, представители династии Чжоу, окажем вам великое содействие с достойным воздаянием в том, что пригласим вас к нашему царскому двору. При достойном рвении по службе многие из вас могут рассчитывать на высокие государственные посты».

Нам досталось множество документов, сохранившихся с древнейших времен царства Чжоу. Происхождение значительной их части по традиции приписывается кисточке самого Чжоу-гуна. Ряд ученых считает, что он на самом деле написал некоторые из этих документов, тогда как остальные написали другие сановники династии Чжоу, но их авторство неправомерно приписывают нашему «чжоускому князю» в силу того высокого авторитета, который он снискал. Но воздержимся от бесплодных споров. Нам вполне достаточно отметить, что Чжоу-гун точно так же, возможно, как еще целый ряд первых сановников династии Чжоу, проводил

совершенно определенную примирительную политику не только по отношению к аристократам династии Шан, которых они покорили, но еще и к простым людям.

В инструкциях, врученных правителем Чжоу одному из своих вассалов, говорилось: «Должен объяснить тебе, как добродетель помогает с толком применять наказания. В настоящее время народ пребывает в беспокойстве; согласие в его душе отсутствует; невзирая на неоднократные призывы примириться с нами, он не избавился еще от сомнений... Прояви должное усердие! Избегай поступков, чреватых неприязнью; не слушай лукавых советников и не вступай на непроторенные пути. Принимай справедливые и искренние решения... обратиться к своей добродетели, прояви дальновидность во всех своих помыслах, чтобы народ жил без заботы. Поступай так, и мне не придется отстранять тебя от порученного дела или лишать жизни». Автор такого рода инструкций постоянно напоминает о том, что с народом следует обращаться как с «подопечными малыми детьми».

В аналогичном документе говорится: «Когда цари назначали чиновников, чтобы те управляли их народом, они им говорили: «откажитесь от жестокости или угнетения. Наоборот, проявляйте [свою заботу] даже о вдовцах и вдовах». Заявления такого рода в старинных документах встречаются в изобилии. Мы находим их не только в письменных памятниках, передававшихся от правителя вниз к исполнителям, которые, смеем предположить, существенно дополнялись позже, но даже в надписях на бронзовых изделиях, на которых они сохранились с тех пор до наших дней. По своему содержанию они напоминают нам очень похожие ханжеские декларации европейских правителей, провозглашавших себя покровителями и защитниками не только веры, но к тому же еще «вдов, сирот и чужеземцев». Вполне очевидно, что такие заявления делаются в силу самых разнообразных соображений и могут служить доказательством по-настоящему человеколюбивых настроений со стороны тех, кто делает их, или наоборот. Однако непреложным остается тот факт, что само провозглашение подобных воззрений оставляет благоприятные воспоминания об их авторах в истории. Особенно важную роль в китайской истории сыграла как раз концепция, получившая развитие в результате завоеваний династии Чжоу.

Цари династии Шан приносили своим предкам щедрые подношения и полагались на их помощь, считающуюся решающим условием успеха в разнообразных их предприятиях. Разумеется, правители династии Шан точно так же, как цари династии Чжоу, сменившие их, свято верили в божественное происхождение своей власти. Победа над врагами правителям Чжоу досталась силой оружия, но нельзя обойтись без особой оговорки, будто эта сила сама собой преобразовалась в *священное право* управления завоеванными народами. Обоснование завоевания чужих земель всегда представлялось делом деликатным. Оно обычно требует известной доли мифологии, вложенной в уши народа посредством изоощренной пропаганды. Последнее время такая мифология часто принимала вид доктрины «предначертания судьбы»; правители династии Чжоу присвоили своему догмату название «мандата Небес». Под «Небесами» подразумевалось имя высшего божества.

Правители династии Чжоу утверждали, будто они не вынашивали намерений по завоеванию территорий царства Шан. Наоборот, бремя завоевательных походов возложили на них сами Небеса. Почему? А потому что последний царь династии Шан оказался запойным негодяем, угнетавшим своих подданных и пытавшимся обманывать богов, так как не воздавал им должного почтения. За большие прегрешения Небеса возмутились его поведением и лишили своего «мандата» на управление Китаем. Этот мандат небесные правители передали предводителю народа Чжоу, который получил распоряжение Небес на покорение царства Шан и восшествие на его престол.

Нам трудно проверить легенду, посвященную поведению китайских богов, а наши знания об описываемом периоде весьма скудные, тем не менее нам известно вполне достаточно, чтобы эту легенду опровергнуть. Археологические доказательства указывают на то, что последний

царь династии Шан на самом деле прожигателем жизни не был. Наоборот, он представляется человеком исключительно энергичным. Никакой вины за пренебрежение религиозным обрядом, вменяемой ему, он не несет, наоборот, он проявлял редкий личный интерес к такого рода ритуалам и демонстрировал большую шепетильность в их исполнении. Но конечно же большой разницы предводители племени Чжоу в этом не видели, если только им удалось убедить народ в своей версии истории. В конечном счете они в этом деле преуспели. Кое-какие документы, дошедшие до нас, представляются буквальной подделкой, изготовленной в то время в интересах пропаганды правителей Чжоу. К тому же существуют причины, чтобы предположить существование раздела литературы династии Шан, компрометирующего такую пропаганду. Она исчезла, и поэтому логично предположить, что сановники династии Чжоу могли ее уничтожить, но основания для обвинения их в таком деянии у нас отсутствуют.

Правители династии Чжоу оправдывали свое покорение народа Шан простым повторением истории. Много веков тому назад, утверждали они, правитель царства Шан, известный как Чэн Тан («Успешный»), точно таким же манером получил назначение на престол волей Небес. Причем пришел он на смену недостойного последнего царя предыдущей династии, известной под названием Ся (при всем наличии многочисленных традиций, посвященных династии Ся, до сих пор не удалось получить археологических свидетельств, с достаточной определенностью подтверждающих ее существование). Такая версия истории обеспечила завоеванию Чжоу прецедент, служащий всего лишь случайным событием в циклическом повторе исторических явлений. Вариант истории царства Шан, составленный по документам одноименной династии, сохранившийся в «Книге песен и гимнов», выглядит несколько иначе. Тем самым появляются подозрения в том, что правители династии Чжоу ради обоснования своих завоеваний переписали целый раздел китайской истории.

В дошедших до нас писаниях Чжоу-гун предстает в качестве главного поборника следования догме, посвященной мандату Небес. Он дальше ее развил в воззвании к покоренному народу царства Шан. Заслуживает особого внимания тот факт, что иногда он обращается к верховному божеству по имени Ди, а в других местах он взывает к Небесам; в то время оба этих обращения использовались вполне свободно. Выступавший от имени царя Чжоу-гун сказал:

«Ди ниспослал наказание на народ Ся, но правитель династии Ся, не мудрствуя лукаво, пребывал в еще большей роскоши, чем прежде, и отказался от утешительного общения со своим народом. Он был человеком распущенным и невежественным, к тому же ни на день не мог подчиниться указаниям Ди. Об этих качествах его натуры слышали все. Ко всем указаниям Ди он относился с присущим ему высокомерием... Применявшиеся им жестокие наказания послужили только усилению беспорядка во владениях царства Ся. Его не заботили беды массы народной... и народные горести и недовольства множились с каждым днем...

В этот момент Небеса подыскали достойного господина для народа царства Ся и предоставили свой мандат светлому вану Чэн Тану, покарвавшему и свергнутому с престола правителю Ся... Все его потомки до последнего царя династии Шан по имени Ди И прославились достойным способом правления, осмотнительно пользовались наказаниями нерадивых подданных, то есть смогли вдохновить свой народ на большие достижения... Но когда пришло время вашего бывшего правителя [последнего царя династии Шан], он не справился с руководством доставшимся ему множеством княжеств и утратил мандат Небес.

Ах! Тот царь обычно высказывался в таком вот смысле: Слушайте и внимайте мне!...не дело Небес решать судьбу правителя династии Ся или династии Шан⁴. Но ваш правитель... оказался слишком развратным, и он презрел распоряжения Небес... он проявил нетерпимую

⁴ В тексте в данном месте и еще одном переведенном абзаце стоит иероглиф «инь», которым тоже обозначалась династия Шан. Автор внес изменение для упрощения изложения исторических фактов.

лень и пассивность, отказывался от участия в работе правительства и приношения искренних пожертвований, поэтому Небесам остается только свергнуть его. <...>

На Небесах тогда занялись поиском на территории множества областей... того, кто способен прислушаться к указаниям, но такого человека не оказалось. Нашелся, однако, наш царь рода Чжоу, достойно обращавшийся с народными массами, обладавший необходимой добродетелью, а также должным образом руководивший обрядом приношения пожертвований духам предков и Небесам. Поэтому с Небес нам пришло указание вверить ему свою судьбу; Небеса выбрали нас и предоставили нам мандат на правление династии Шан над многочисленными вашими уездами».

Невозможно переоценить важность такого представления о жизни для истории китайской политики и китайской философской мысли. С данного момента все китайские мятежники, как правило, стали претендовать на обладание «мандатом Небес». Даже в нашем собственном XX столетии революционную партию доктора Сунь Ятсена одно время называли «Союз ради изменения мандата Небес».

Еще большую важность представляют причины появившегося предположения о том, почему Небеса проявили благосклонность к новому царю. В данном документе просто приводятся слова, а во многих других трудах содержится утверждение о том, что Небеса отвергали правителей за многие прегрешения, и самым тяжким среди них называлось негодное обращение с народом. Отсюда хотя бы теоретически появилось правило, гласящее: правители существуют ради народа, а не наоборот и что властью они пользовались исключительно в силу доверия к ним со стороны подданных как своего рода организаторы. И власти их лишали, если они использовали ее не должным образом. В самом начале такие представления существовали по большому счету в виде теории, а любая теория требует пропагандистского обеспечения. Но оставим придирки. Теория как таковая появилась, и со временем ей суждено будет сыграть свою очень важную роль.

В тот очень далекий от нас период истории, которым мы как раз занялись теперь, уже существовали кое-какие прочие представления, продолжавшие играть большую роль в развитии китайской философской мысли. Начнем с роли семьи в китайском обществе. С древнейшей китайской цивилизации, о которой мы располагаем достоверными сведениями, первостепенная важность семьи представляется категорией бесспорной. В «Шицзин» можно прочесть следующее:

Никто друг другу так не мил,
Как брату мил бывает брат...

Пусть дома ссорится семья —
У ней отпор врагу един.

У всех есть лучшие друзья —
Их помощи не видел я.

Но смерть и мрак побеждены,
Покой и мир внутри страны.

Иль больше брата своего
Мы чтить друзей своих должны?

(«Братская любовь»)

У западных писателей иногда возникает такое впечатление, будто Конфуций практически выдумал сыновнее благочестие, или, по крайней мере, он обратил на него серьезнейшее внимание. Но в одном из абзацев, написанном задолго до Конфуция в трактате «Шицзин», сказано следующее: «Никто не заслуживает такого обожания, как отец, ни от кого нельзя так зависеть, как от матери». Еще в начале периода Чжоу мы находим утверждение о том, что сыновнее благочестие следует считать не просто нравственной нормой, а нормой юридической. В обвинении одного из вассалов Чжоу утверждается, что определенные категории уголовников совершают гораздо более тяжкие преступления, чем убийцы: «Сын, отказывающий своему отцу в должном почтении, наносит ему глубокую душевную рану; отец, не способный заботиться о своем сыне, просто его ненавидит; младший брат, не способный обратить внимания на откровение Небес, не проявляет уважения к своему старшему брату; старший брат, забывающий о нежном обращении со своим младшим братом, становится ему врагом». Всех таких преступников, говорится в древнем трактате, следует наказывать без всякого снисхождения.

Перед правителями династии Чжоу после завоевания ими царства Шан встала весьма сложная задача. Проблема для них заключалась не в нехватке территории, а в отсутствии средств для управления населявшим ее народом. Общение между отдельными областями осуществлялось исключительно по дорогам, а эти дороги находились в неудовлетворительном состоянии. При наличии определенных средств расчета за товары денег как таковых в нашем понимании в царстве Чжоу еще не существовало. В отсутствие надежных путей сообщения и денег прямое правление на просторной территории выглядело делом практически невозможным. Правители царства Чжоу пошли по большому счету на единственно доступную для них меру: они поручили свои территории вассалам, приходившимся им по большей части родственниками или предводителями других племен, которые помогли им в завоевании Шан. Этим феодалам предоставили практически полную свободу в управлении порученными им волостями при том условии, что они обеспечивали там покой, уплачивали положенную дань царю и возглавляли свои дружины, когда он того от них требовал.

В самом начале такая феодальная система вполне себя оправдывала. Чжоуские вассалы выступали в качестве чуть больше чем комендантов гарнизонов окруженных стенами городов, задача которых заключалась в наблюдении за только что покоренным и враждебно настроенным населением. Им было не обойтись без поддержки царя династии Чжоу и друг друга. Отдельных строптивых вассалов царь строго карал за неповиновение. В крайних случаях он отбирал у таких подданных порученные им земли, чтобы передать их послушным вассалам.

После смены нескольких поколений, однако, ситуация приобрела иной вид. Потомки первых феодалов становились на порученных им территориях своими людьми, и от былой враждебности вверенного их попечению населения по большому счету ничего не оставалось. Их власть освятило само время, а местечковая гордость и личный интерес послужили привлечению на их сторону лояльных теперь подданных. Феодальные правители, что посильнее, присоединили территории своих более слабых соседей, а когда царь пытался вмешаться в их дела, они оказывали ему сопротивление. Местные дворяне сформировали собственные свиты и союзы, устраивавшие свары между собой и с самим царем. Наконец в 771 году до н. э. нападение такой коалиции в союзе с некоторыми племенами «варваров» закончилось гибелью правившего тогда чжоуского царя. Его наследника возвели на престол в столице, находившейся дальше на востоке, но с этого времени чжоуские цари выступали всего лишь в качестве марионеток в руках их самых влиятельных вассалов.

Китай таким манером лишился какого-либо центрального правительства в полном смысле этого слова. Войны между группами феодалов стали частым и ожесточенным явлением. Племена варваров, обитавшие в приграничных районах, не только вторглись на территорию Китая, но иногда их в союзники звали одни китайцы для борьбы с другими китайцами. Даже

утративший власть царь династии Чжоу иногда приглашал племена варваров на помощь, чтобы вернуть свою вотчину. И каждый раз терпел поражение. Если бы варварам удалось организовать достойное взаимодействие, не пришлось бы сомневаться в том, что они покорили бы Китай, как их союзы позже это смогли сделать не раз.

Такую опасность китайцы признали, и их предводители в целом согласились с тем, что вместо марионеток династии Чжоу Китаю нужен сильный царь. Великие вожаки китайских феодалов с таким выводом проявляли полное единодушие; разногласия между ними касались того, кому из них поручить образование новой династии. Каждый считал себя достойным такой роли. На улаживание данного вопроса ушли многие века войн, а также потребовалось принести в жертву бесчисленные сотни тысяч жизней китайцев-вас-салов.

Тем временем продолжался процесс дробления страны. Мало того что феодалы пренебрегали распоряжениями царя, они к тому же посягали на его власть и пользовались полной свободой действий. В ряде княжеств сановники более высокого ранга обращались со своими формальными повелителями таким же манером. Таким образом, например, в царстве Лу, считающемся родным для Конфуция, формально власть все еще принадлежала вану, но всеми полномочиями пользовались три его родственника, числившиеся главными мандаринами государства. Они не только отправляли властные полномочия по собственному усмотрению, но к тому же убивали законных наследников престола, чтобы возвести на него нужного им человека. В 517 году до н. э. (когда Конфуцию исполнилось уже 34 года) правящий ван царства Лу попытался поднять мятеж против этих зарвавшихся мандаринов. Он потерпел поражение, ему пришлось покинуть свое царство и провести остаток жизни в изгнании.

Не одни только феодалы подверглись такому обращению. Их достигших власти сановников, в свою очередь, обирали собственные подчиненные. Таким манером, когда Конфуцию исполнилось 47 лет, главный узурпатор власти среди сановников вана царства Лу подвергся нападению со стороны начальника собственной стражи, лишившего его свободы и принудившего к присяге на верность своему номинальному вассалу. Тот удалой начальник стражи вана своевольно управлял его государством на протяжении нескольких лет. В конечном счете он решил перебить всех номинальных сановников царства Лу, чтобы взять на себя всю полноту титульной, а также фактической власти. В последний момент заговор его раскрылся, однако и нашему головорезу пришлось спастись бегством.

Царство Лу оказалось не единственной жертвой такого рода нарушений установленного порядка. В некоторых княжествах условия выглядели еще более удручающими. Можно сказать, что в целом в те времена главенство «закона и правопорядка» существовало далеко не везде в Китае, так как отсутствовала какая-либо сильная центральная власть, способная их навязать. Из-за бессилия царя князья постоянно враждовали между собой. К VI столетию до н. э., когда родился Конфуций, на периферии китайского мира существовало четыре крупных государства, отличавшиеся выдающейся мощью, а в центре сложилась масса мелких княжеств. Правители крупных государств обычно устраивали схватки между собой на территории центральных княжеств; иногда они происходили ежегодно, а продолжались по 10 лет без перерыва.

Внутри государств, так как многие правители оказывались людьми слабыми, наиболее влиятельные из благородных кланов точно таким же образом вступали в войну между собой; некоторые княжества распадались на вооруженные лагеря, находившиеся в более или менее постоянном состоянии осады. Наконец, даже внутри кланов родственники ссорились и собирали свои дружины для проведения так называемых «частных войн» или самочинных военных действий.

С учетом того, что Китай даже в те времена по своему положению находился на уровне наиболее цивилизованных стран мира, ситуацию в нем следует оценить как весьма скверную. Едва ли кто из китайцев того времени, будь то высокопоставленный вельможа или самый заби-

тый простолюдин, мог рассчитывать на спокойную жизнь. На долю простого народа выпали большие невзгоды. Ведь именно ему приходилось выносить все тяготы междоусобиц. Одним из последствий раскола Китая следует назвать то, что даже самые худородные аристократы пытались подражать великим вельможам, позволявшим себе роскошную жизнь; они настолько алчно обирали свой народ и эксплуатировали его настолько безжалостно на поденных работах, что в неурожайные годы многие хлеборобы буквально гибли от голода.

В некоторых отношениях условия могли выглядеть более благоприятными на заре династии сразу после завоевания царства Шан племенем Чжоу. В те дни аристократам приходилось заниматься примирением народа, а также насаждать дисциплину в русле племенной морали, сложившейся в спокойной ситуации. Простому народу оставался только лишь упорный труд и редкие радости жизни, но у читателя «Книги песен и гимнов» («Шицзин») возникает такое впечатление, что владельцы крупных поместий проявляли прямой личный интерес к судьбе тех, кто пахал землю, тогда как земледельцы отвечали искренней привязанностью к своему господину. Усложнение общества принесло вместо его нравственного совершенствования один только упадок. Аристократы увлеклись соревнованием друг с другом в роскоши жизни и непрекращающимися междоусобными войнами. Мир устанавливался исключительно под угрозой применения силы и тут же нарушался, как только представлялся удобный для того случай. Причем коварный нарушитель мирного договора не подвергался страшным проклятиям духов предков, как это полагалось по стародавней традиции. Из-за этого неизбежно подрывалась вера в бога. В складывавшихся тогда условиях в целом получали широкое распространение такие представления, что только глупец держит свое слово или поступает иначе, чем диктует его собственный корыстный интерес.

В самом начале китайская феодальная система послужила совершенствованию государственного управления. При ней царь мог назначать на государственные должности толковых мужчин, способных достойно править в различных уголках царства, и увольнять с них людей нерадивых. Получается так, что в Китае, а позже в Европе феодальные владения с самого начала по наследству не передавались; если сын считался достойным преемником своего отца, царь должен был назначить его на должность отдельным распоряжением. Однако по мере усиления роли благородных кланов и ослабления авторитета монарха последнему пришлось в силу обстоятельств подтверждать чисто механически права своих вассалов – наследников князей; и наконец от такой формальности отказались вовсе. Когда установившийся порядок получил широкое распространение и стал касаться даже чиновников низшего звена, Китай оказался во власти мандаринов, получавших должности по наследству. Весьма часто они не только не обладали необходимыми для государственной службы талантами, но и не хотели ничего на ней делать. Многие из них полагали, что их должности представляют собой всего лишь внешние атрибуты права на власть, привилегии и роскошь. Неизбежным результатом стала утрата управляемости в стране.

Многие китайцы осознавали эту утрату; кое-кому из самих аристократов даже дано было признать очевидный факт того, что многие представители их сословия превратились в откровенных паразитов на теле китайского общества. Правителям государств не составляло особого труда увидеть себя жертвами алчного дворянства наравне практически со всем чжоуским народом. Чиновники высшего звена при правителе любого китайского княжества номинально числились его подчиненными, облеченными всевозможными функциями управления. Но теперь они не только пренебрегали своими обязанностями, но к тому же обзавелись собственными дружинами, которые использовали в качестве частных армий, чтобы попирать, если не подменять, власть своего правителя.

В 535 году до н. э., когда Конфуцию было всего 16 лет, ван одного небольшого княжества пытался восстановить свою власть. Вместо раздачи высших постов в своем правительстве собственным благородным родственникам, у которых, разумеется, уже вошла в привычку пере-

дача их сыновьям по наследству, этот князь лишил родственников официальной кормушки. На их места он назначил людей из соседних княжеств и поручил им управление своей вотчиной. Такой поступок настолько остро обидел родню, что она объединилась, устроила покушение на его жизнь и положила конец вмешательству в свои традиции с положенными привилегиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.